

публицист, в прошлом – директор Русской службы РСЕ-РС. Автор радиопередач о культурных отношениях между Западной Европой и Россией (Милан, Италия)
Тел.: 0039 (1039) 0432 987886; E-mail: mariocorti@gmail.com

В статье на основе российской и зарубежной историографии впервые осуществляется попытка проследить жизненный путь венецианца Алессандро Молино, оставившего заметный след в истории.

Ключевые слова: Алессандро Молино, капитан Малина, Адриатика, Балтика, Балтийский флот.

КАПИТАН «МАЛИНА» ВЕНЕЦИАНЕЦ ИЗ АДРИАТИКИ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

Санкт-петербургский поэт и историк Александр Шарымов в своих стихах начала 1996 г., посвященных более прославленному коллеге, нобелевскому лауреату по литературе, автору «Набережной неисцелимых» Иосифу Бродскому, отдает дань среди прочего Венеции и ее людям. В то время тело Бродского, скончавшегося в Нью-Йорке, все еще ожидало перенесения в город на воде для захоронения, согласно пожеланиям покойного:

«Распорядись себя похоронить... в порту»,
Который есть не просто чей-нибудь,
Но Боциса и Луки Дамиани.
(О первом Петр однажды скажет так:
«ИБ служил искусно нам, но все же
Шаутбейнахт умре; спустите флаг;
Отправьте тело парусником к дожу»)¹.

Тут есть поэтическая вольность. Действительно, на русскую службу в разные времена и по разным причинам переходило немало подданных Светлейшей², собственно венецианцев и так называемых «заморцев»³. Впрочем, в каком-то смысле поэтической вольностью является и утверждение автора в комментарии к собственным стихам будто Боцис и Дамиани были венецианцами. Строго говоря, ни тот ни другой венецианцами не были. Первый был греком из Далмации, уроженцем, вероятно, безопасной полосы вокруг Рагузы (Дубровника), принадлежавшей Османской империи. Второй, предположительно, был сербом из Славонии (Западной Хорватии). Оба, однако же, действительно служили в венецианском флоте.

В «доносительном письме», переданном царю по приезде в Москву в марте 1703 г., граф Джованни Боцис писал: «Что служил он Речи Посполитой венецейской 17 лет во многих морских и земляных войсках, со многими своими людьми и расходами, на каторгах и кораблях, ея волею, всегда при капитан-генералах <...> И за такие его службы сенат учинили его Консулом на всех островах Архипелажских, дав под власть его все корабли и капитанов и <...> сиречь судитов принцепских, которые в те острова приходили; и не имел он больше себя никого кроме сената и капитан-генерала морского <...> К тому же будучи он уроженец турский и вскормленник венецейский в 17 лет получил совершенное искусство на таких войнах сухих и морских того и другого флоту <...> и приехал суда, оставя все: жену, честь и многочисленные вотчины, слуг и славу свою, служити Е.Ц.В...»⁴

Здесь важно отметить, что одного из морских капитан-генералов, которому подчинялся Боцис, звали Александром Молино.

Как представитель Венеции, Боцис сидел в Нафплионе (Napoli di Romania), покоренном венецианцами в 1686 г., тогда как вся Морья перешла к ним в 1699 г.⁵ В июле 1702 г. Боцис переехал в Стамбул, где поселился в доме венецианского посла (Лоренцо Соранцо. – М.К.), и вступил в контакт с российским посланником Петром Андреевичем Толстым, с которым, возможно, встречался и раньше, когда тот изучал морское дело в Венеции. Поскольку у Боциса возникли неприятности в связи с наймом для русского флота одного капитана и 24-х моряков, ему пришлось бежать из Стамбула. Через Валахию, Молдавию и Украину

удалось добраться до Москвы, куда Боцис приехал в марте 1703 г.⁶ С собой он взял «только 10 человек челядников лучших и ученых, которых иметь он будет при себе для посылок в Венецию и Царь-город для дел Его государевых да священник отец его духовный, данный от святейшаго патриарха царьгородскаго...»⁷

Тут вспоминается другой соратник Петра, шотландский генерал Патрик Гордон, набожнейший католик и покровитель московской католической общины, который среди пыток, сажаний на кол, повешений и обезглавливаний восставших стрельцов находил еще время проходить миропомазание, совершенное католическим епископом, оказавшимся в Москве проездом⁸.

По приезде в Москву Боцис получил чин шаутбейнахта, а в 1704 г. назначен начальником галерного флота, руководил строительством галер в Олонце. Помимо «конфликта» с вице-адмиралом Корнелисом Крюсом, закончившегося тем, что последний попал под военный суд, известны многочисленные подвиги Боциса, включая разорение Борго и других населенных пунктов балтийского и ладожского берегов⁹.

При поступлении на службу Лука Дамиани (известен в России еще как Лука Михайлович Демьянов) показал, что он «уроженец греческой веры города Славони» (возможно, что он происходил из одной из тех православных общин, переселившихся в разные времена в Славонию, в Восточной Хорватии, тогда принадлежавшей Габсбургам). В той же «сказке» сообщено, что он «служил венецианскому князю на галере поручиком 3 года, потом французскому королю капитаном лет 14 и ездил из французской земли на 2 фуркатах в турскую землю в Иерусалим; а ратных людей на всякой фуркате было по 220 человек, и был там 6 лет в военных действиях; ходил в оранскую и римскую земли и служил в римской земле у папы с год капитаном, а оттуда поехал к цесарю римскому и служил три года капитаном и из Вены поехал к Москве служить В.Г. и представил свидетельствованные листы о службе своей»¹⁰.

Дамиани был принят на русскую службу в 1698 г., за несколько лет до Боциса, в чине капитана третьего ранга. Службу проходил в Азовском и Балтийском флотах. В 1719 г. был произведен в капитан-командоры. Разжалованный по обвинению во взятии частного багажа с торговых призов, вскоре дослужился снова до капитан-командора (1722 г.). В 1725 г., после 27 лет службы под Андреевским флагом, отставлен с абшидом, жалованьем и оплаченным возвращением на родину¹¹.

Неудивительно, что Петр Великий нуждался в морях, служивших в венецианской армии. Как пишет Леонид Михайлович Дулич в статье о комплектовании русского флота, «преимущественное количество лиц южно-европейских национальностей... [в росписи иностранцев, прибывших из Амстердама в Нарву в июне 1698 г.] объясняется решением Петра строить галерный флот для действий в шхерных районах. Вполне естественно, что он обратился к опыту тех наций, которые в силу исторической обусловленности были наиболее сведущи в этом деле»¹².

Россия имела доступ к Белому морю через Архангельск, но сезон навигации был слишком коротким для

полноценной торговли. Петру был нужен выход к Балтийскому морю. Однако Ингрия – старая Ижорская земля, Эстония, Ливония и Финляндия были крепко в руках Швеции. Еще до того, как Петр решил объявить войну шведам в 1700 г. с целью расширить границы России до берегов Балтийского моря, он в июле 1696 г. в результате второго азовского похода завоевал стратегическую крепость Азов, открыв себе маленькую щель в Черное море (которую, однако, через несколько лет пришлось вернуть туркам). О еще несостоявшейся победе Петра сообщил преждевременно венецианскому дожу на основании слухов, поступавших из Константинополя, генеральный морской капитан Алессандро Молино в письме из Нафплиона от 12 мая 1696 г.: «Москвитяне уже взяли Азах, и навели на турок такой страх, что те опасаются, как бы они не направились в Константинополь...»¹³ Азовские походы Петра вызвали в Стамбуле немалое смятение, а среди греческих подданных султана ликующий восторг, о чем докладывает месяц спустя осведомитель Светлейшей из Блистательной Порты: «...поступают сообщения, что москвитянин спускается с могучей армией, а греки, которые с ним одного обряда, ликуют, утешают себя надеждой видеть московского царя на императорском троне в Константинополе. Считается, что Азах в этом году будет потерян»¹⁴. Православная Россия станет центром притяжения для греков, уповающих на то, что эта страна когда-нибудь придет им на помощь, освободит их от турецкого ига. Для многих из них Россия станет второй родиной.

Для войны с турками и со шведами Петр нуждался в технических знаниях, современном оружии, кораблях, галерах и соответствующих экипажах. Он стал нанимать экспертов по навигации, кораблестроителей, пушкарей¹⁵, закупать оружие в Западной Европе и сам, после Азовской победы, отправился за знаниями в европейские страны в составе Великого посольства¹⁶.

Помимо Голландии, Англии, Дании, взоры царя устремились и в сторону Италии. Он был союзником Венеции в Священной лиге, к которой Россия присоединилась еще в 1686 г. Обучать морскую науку в Венецию он отправлял своих стипендиатов. Кое-кого царь командировал с поручениями и миссиями и в другие итальянские государства. Петр также поощрял распространение итальянского языка в России. Личным указом от 15 мая 1697 г., он послал к двум бывшим подданным Светлейшей, братьям Иоанникию и Софронию Лихудам (кефалонцам, получившим образование в Падуанском университете), несколько десятков молодых людей – детей бояр, стольников, дворян, дьяков, купцов – для изучения итальянского языка¹⁷.

Морские державы развивали и совершенствовали технику судостроения и навигации в течение столетий. Петр же хотел все и сразу. Он велел построить флот в Воронеже практически с нуля, заставив церковь, дворян, купцов сделаться судостроителями. Кумпанства, которые создавались ими, помимо строительства судов, вмменялось еще и их оснащение. Для плавания в условиях мелководья требовались суда с низкой осадкой. Лесоматериалы не всегда оказывались пригодными. Из-за ускоренных темпов работы судна иногда строились из непросушенного леса, в любом случае времени для сушки было мало. Срок службы судов был невелик. Не все они по окончании работ держались на воде. Их приходилось либо переделывать, либо целиком браковать.

На воронежских судоверфях и в городе толпились люди самого разного происхождения. Там, помимо русской, слышались речи голландская, немецкая, датская, английская, французская, итальянская, греческая, сербохорватская. Только очень смутно можно себе представить огромные трудности совместного проживания и труда. Дразги по мелочам иногда переходили в ссоры и драки, вызываемые взаимонепониманием, недоверием, ревностью, национальными и религиозными предрассудками¹⁸. По-видимому, большого согласия не было между протестантами, католиками и православными. Каждая из этих групп имела свои особые духовные и обрядовые потребности. Бок о бок с иностранцами работали русские

мастера, однако и неквалифицированная рабочая сила, которая использовалась для перевозки грузов, выполнения простых задач, работы на лесопильных мельницах и пр., состояла из людей в основном русской национальности, которыми командовали и которых обучали люди, не владеющие русским языком. Несмотря на присутствие переводчиков, недоразумения были, надо думать, делом обыденным. Венецианцы, славяне, греки, служившие в венецианском флоте или в арсенале, а также рагузинцы и итальянцы из других государств полуострова говорили либо по-итальянски, либо на венецианском наречии. В любом случае, они понимали друг друга. Русские же и славяне из Истрии и Далмации обманывались насчет взаимного понимания, ибо, как известно языковедам, часто сходство родственных языков может вводить в заблуждение, и общение между носителями родственных, но разных языков порождает множество недоразумений. Воистину то был настоящий Вавилон.

С подобной же ситуацией мы сталкиваемся, когда речь идет об офицерах флота и экипажа. Проблемы общения и взаимопонимания существовали не только между офицерами и их подчиненными, но и в силу того, что и среди моряков были иностранцы. «Венецианцы», включая греков и славян, употребляли терминологию, принятую во флоте светлейшей республики. Царь Петр, как и большинство судостроителей и офицеров из Северной Европы, предпочитал английскую и голландскую терминологию. На каком языке отдавались приказы? Как назывались навигационные инструменты, компоненты судна, маневры, оснащение, рангоут, паруса, такелаж, вооружение? Ведь пройдет еще немало времени, когда в русском языке утвердится специфическая терминология¹⁹.

Картина выглядит так же несколько лет спустя на Балтике, на верфях и во флоте. Как пишет Джон Ден, английский офицер на службе России, «в российском флоте <...> есть несколько весьма достойных иностранцев, но, если посмотреть внимательнее и включить в их число лишь людей опытных и искусных в знании языков, тогда число их окажется крайне незначительным, и их еще менее придется опасаться, вследствие разъединяющих их партийных разногласий и предрассудков, так как они принадлежат к нациям, отличающимся друг от друга как во вкусах, так и во взглядах, интересах и образе жизни»²⁰.

К тому нужно добавить еще взаимное недружелюбие между иностранцами экипажами. Экипажи кораблей презирали команды галер, которые даже не считались военными судами, как свидетельствует тот же Джон Ден, который сам высказывает определенное предубеждение и надменность: «Здесь, пожалуй, не будет неуместным коснуться рода судов, столь часто упоминаемых под названием галер. Строителями последних были обычно итальянцы, а также их морские офицеры, отчасти же и греки <...> Из вышеупомянутых наций у царя находятся на службе один вице-адмирал, два капитана-командора, около 20 капитанов, столько же поручиков и 40 унтер-офицеров, подобных тем, кем являются боцманы и боцманаты. Служащие на военных кораблях офицеры с последними редко разговаривают, частью вследствие различия в языках, а отчасти из-за различия в образе жизни, но более всего из-за отвращения к великим зверствам, совершаемым ими над неприятелем тогда, когда это в их власти. Последним также не позволено считаться равными по положению первым»²¹.

Характерно, что Ден причисляет к итальянцам также и славян, включая и вице-адмирала Змаевича, именуемого им «Izmaivitz», о котором, впрочем, отзывается довольно положительно²². Редактор сочинения Дена, британский вице-адмирал Сиприан Бридж (Cyprian Bridge), совершенно справедливо комментирует, что, хотя и офицеры кораблей высокомерно относились к офицерам галер, которых они считали исполнителями различных и менее важных заданий, тем не менее знаменитое Гангутское сражение 27 июля 1714 г. было выиграно не кораблями, а именно галерами²³.

Первым адмиралом Азовского флота стал фаворит Петра Франц Лефорт, у которого не было никакого навигационного опыта. Вице-адмиралом – первым в истории

российским вице-адмиралом – был назначен полковник Юрий Степанович Лима (Giorgio Lima), который тоже, по всей вероятности, никогда раньше не служил во флоте. Лима во время второго Азовского похода, командуя семью галерами, спустился по рекам Воронежу и Дону к Азову и участвовал в осаде и взятии крепости. В литературе считается венецианцем, хотя, согласно одному автору, он был генуэзцем²⁴. Судя по стилистике его писем к Лефорту, написанных на ломаном итальянском языке, Лима вряд ли был венецианцем²⁵. Он был опытным минером, поступившим на русскую службу еще при царе Федоре Алексеевиче. После Азовского похода вернулся в армию с прежним чином полковника. Участвовал вместе с Патриком Гордоном в подавлении стрелецкого бунта, о чем он также докладывает в двух письмах Лефорту²⁶. Умер Лима 18 июля 1702 г. во время Великой Северной войны в сражении при мызе Хуммельсхоф.

В отличие от Лимы, от Боциса и Дамиани, наш капитан «Малина» (Малино, Мулина, Молен, Молин, Мулин, Мулен, Де Мулин и пр. искажения его фамилии; правильно – Молин, Молино) был настоящим венецианцем, выходцем из знатной фамилии и потомком дожа Франческо Молина (Francesco Molin), того самого, при котором была отменена коронация догарессы и ограничена свобода передвижения государя – с тех пор дожу запрещалось покидать пределы города без особого разрешения. Отец его, знаменитый Алессандро Молин, о котором шла речь в начале, как об одном из непосредственных начальников Боциса, когда тот служил в Венеции, был генеральным проведитором в Далмации и Албании, генеральным морским капитаном и генеральным проведитором в Морее, а впоследствии стал генеральным проведитором на материке. Неоднократно наносил поражения туркам на море, в Далмации и в Морее. Кармелитский проповедник Марко Россетти посвятил ему несколько стихов в своей торжественной поэме о Священной лиге:

Del Veneto valor se fede i oggetto,
Tocca al Ciel disputar con Marte i casi;
E Alessandro Molin dal Cielo eletto;
E appena eletto i Traci ha invasi...²⁷

«Венецианец Александр Молина» младший «принят в службу» великими послами во главе с Францом Лефортом 18 февраля 1697 г. в Амстердаме «в какой чин годитца». Сам он рассказал, что «отец де ево ныне в Венеции над войском против турок в Аммореи Александр Молина. А он был при отце своем в том же караване у салдатов капитаном и служил три года. А потом был с отцом в Долмации над конницею капитаном 4 года и оттуды уехал тайно, потому что в ссоре убил поручика и пришел в Галанскую землю. Пасов нет. Говорит по-французски, по-итальянски и по-латыне.

И того же числа дано ему великого государя жалованья в приказ на платье тридцать ефимков»²⁸.

Мимоходом будет сказано, что по странной иронии судьбы в России Молино рискнет своей жизнью точно так же, как тот поручик, которого он убил в ссоре.

Возможно, Молино добрался до Амстердама, узнав, что именно там идет вербовка моряков, солдат и специалистов в разных отраслях, и захотел воспользоваться случаем, чтобы начать новую жизнь. Амстердам стал центром притяжения для всех тех, кто по какой-либо причине – от отчаяния, погони за мечтой, жажды приключений или просто в поисках заработка – желал радикально изменить свои жизненные обстоятельства. Сколько было среди них людей, которые, как Молино, имели трудности с правосудием?

Что касается итальянцев, спустя месяц после приема на русскую службу Молина 9 марта 1697 г. в том же Амстердаме приняты Юзеп Фалини (Giuseppe Falini) из Ливорно, Антонио Вентура (Antonio Ventura), Карл Каттанно (Carlo Cattaneo), Яков Андрей Ривароль (Giacomo Andrea Rivarola) и Мартин Солицет (Martino Soliceto или Saliceto) – все из Генуи. К ним следует еще добавить некоего Вицентия Осипова из Мальты²⁹. Вентура, который впоследствии станет боцманом, а затем лейтенантом, 22 февраля 1712 г. будет приговорен военным судом к

смерти и расстрелян за отказ участвовать в экспедиции брандеров под Выборгом³⁰.

Молина прибыл из Амстердама в Нарву в июне того же 1697 г. вместе с другими 139 иностранцами³¹, в августе следующего года он был в Воронеже, где строился Азовский флот Петра. Там, наряду с англичанами и голландцами, уже находилось некоторое количество судостроителей-венецианцев, включая 13 сотрудников венецианского арсенала во главе с капитаном Яковом Моро, отправленных туда официально сенатом республики по просьбе царя³².

Молино было велено построить несколько казенных кораблей, от закладки которых отказался датский капитан Симон Петерсон. Он обещал «через мель <...> прождать все тяжелые суды <...> построить такие суды, что можно через самую мелкую воду проваживать самые тяжелые суды». 24 августа 1698 г. окольничий Александр Протасьев, начальник владимирского Судного приказа, которому Петр поручил непосредственное руководство кораблестроением со званием «адмиралтейца», сообщает царю, что «...жалованья, государь, сему Александре Малине перед другими капитаны гораздо умалено, только по двадцати по одному ефимку на месяц. И я ныне, до указу милости вашей, велел ему за прилежную его работу прибавить по девяти ефимков. А он бьет челом, чтобы ему давать против тех капитанов, которым по шестьдесят ефимков на месяц давать велено»³³. Как оказалось, Протасьев брал взятки, продавал доходные места и совершал прочие подобные злоупотребления, которые расследовал сам царь на месте³⁴. По смерти его в начале 1700 г. новым «адмиралтейцем» стал Федор Матвеевич Апраксин. На него, среди прочих, жаловался в челобитной Петру Великому итальянец Матвей Симонт, который впоследствии станет одним из строителей Таганрога: «В прошлом, Государь, 206 году [1698], приехал я холоп твой из итальянской земли к Москве, и будучи на Москве, подрядился я холоп твой в судном володимирском приказе окольничему Александру Петровичу Протасьеву, выучить мне холопу твоему 10 человек корабельному морскому воинскому ходу и карте и компасу и что на корабле войскового всякого строения и как корабли на море править и оснастить и какие к нему надобны инструменты, на своих картах, а за учение рядил я холоп твой 500 рублей денег, и держал он окольничий Александр Петрович меня холопа твоего 5 месяцев без твоего В.Г. жалованья; и по твоему В.Г. указу призван я холоп твой после того в пушкарский приказ, чтоб я холоп твой умел сделать корабельную пристань и я холоп твой в пушкарском приказе пред боярином Алексеем Семеновичем Шеином <...> сказал, что я холоп твой рад пристань делать, и по твоему В.Г. указу велено мне холопу твоему корабельную пристань делать на Миусе, а твоего В.Г. денежного жалованья учинено мне холопу твоему окладу на месяц по 60 рублей»³⁵.

Стоит немножко остановиться на личности этого Матвея Симонта. Годом раньше в Венеции, в октябре-ноябре 1697 г., другой Матвей (или тот самый?) явился к Григорию Островскому, члену Великого посольства, отправленному туда и в Далмацию из Гааги «для некоторых дел тайно»³⁶, о чем говорится в его «Статейном списке» от 23 декабря 1697 г. (2 января 1698): «Приходил католицкий доминикан патер Матфей, говорил, что он умеет математическое учение, и теологию, и инженерское дело, и морской ход подлинно знает, и чтоб его принять в его в. государя службу; а он обещается по своей науке и художеству выучить в скорых годах многих русских людей и книги о той науке на русском языке будет выдавать. И он сказал, что о том великим послом донесет...»³⁷

Историк Евгений Францевич Шмурло задает себе вопрос, «Патер Матвей – не был ли это P. Coronelli?», который между 1697 и 1698 гг. был учителем русских волонтеров, отправленных туда Петром Великим для обучения кораблестроению и судоходству³⁸. Странный вопрос, ибо Шмурло прекрасно знал, что известный картограф и энциклопедист Винченцо Мария Коронелли не доминиканец а францисканец-минорит, который впоследствии стал генералом ордена. Этот Коронелли, кстати, сочинил

трактат специально для своих русских учеников («для обучения московитской нации»)»³⁹.

Согласно «Общему морскому списку», итальянец Симонт (Симунт) в 1698 г. был принят на службу в инженер-капитаны и послан в Воронеж «к строению пристани морского корабельного каравана, шанца и города», в 1699-м послан из Азова в Черкасск для подъема затонувших фуркатов, а потом в Троицкой – для постройки Таганрогской гавани. В 1704 г. он снова в Азове, где занимается ремонтом фуркатов, гальотов и бригантин, в 1711 г. заведует бригантинами, находящимися в Таврове. В том же 1711 г., он просится в отпуск, а в мае его увольняют⁴⁰.

23 мая 1709 г. царь Петр пишет адмирал-генералу Федору Матвеевичу Апраксину: «Изволь приказать сделать Матвею Симантову манету золотую с камнями, ценой ста в три, и на одной стороне чтоб была наша персона, а на другой гаван здешней, и подписать тут, что дана ему за труды гавана. И сделал оную, изволь прислать к нам»⁴¹. Медаль, которая была выполнена французским медальером Соломоном Гузом, до сих пор циркулирует во множестве экземпляров золотых, серебряных и бронзовых⁴².

Молино появляется вновь в 1701 г. в разгар Великой Северной войны со Швецией. В июле он, в чине полковника, назначен командующим 10-го драгунского полка, кем и останется до декабря 1703 г. Десятиротный полк был сформирован 8 июля в Москве князем Борисом Алексеевичем Голицыным, начальником Казанского и Астраханского приказов, из дворянских недорослей заокских, подмосковных и низовых городов⁴³. Историк Моисей Давыдович Рабинович добавляет к полковничьему еще и чин стольника⁴⁴, а это наводит на мысль, что Молино, по-видимому, пользовался тогда чьим-то высоким расположением. Потомок дожа все-таки и сын славного капитан-генерала, победителя над турками в Пелопоннесе и на море.

В следующем 1702 г. с Молино произойдет в Москве случай, очень похожий на тот, после которого он вынужден был бежать из Венеции. В Немецкой слободе, в присутствии царя, на него с оскорблениями и обнаженной шпагой напал французский полковник по фамилии Герен. Молино получил довольно серьезное ранение. Барон Гизен, воспитатель царевича Алексея Петровича, пишет, что после этого и других подобных эпизодов Петр велел построить на Кукуе эшафот с виселицей для устрашения слишком вспыльчивых иностранцев, а также ввел, исключительно на территории Немецкой слободы, законодательство о дуэлях, действующее в Бранденбурге с 1688 г. Тем не менее Герен был прощен государем⁴⁵.

В том же 1702 г. Молино под командованием ладожского воеводы Петра Матвеевича Апраксина, брата будущего генерал-адмирала Федора Апраксина, принимает участие в походе в Ингрию. Вот уже лет сто, как шведы занимали бывшую Ижорскую землю, население которой, финны и славяне, в большинстве своем относилось к оккупантам достаточно лояльно. Чтобы превосходящие численностью шведские войска под командованием генерала барона Абрахама Крониорта не могли снабжаться у коренного населения, Апраксин прибегал к тактике выжженной земли⁴⁶. Драгунский полк Александра Молина состоял из 700 конных драгун и, по причине недостатка лошадей, неопределенного количества пехотинцев. Полк пришел в лагерь Апраксина на реке Назье во второй половине июня 1702 г. Вскоре после прибытия Молина Апраксин двинулся в сторону реки Ижоры, опустошая и разоряя на своем пути все, что было возможно. 10 августа войско Апраксина подошло к устью реки Тосны, охраняемому передовым отрядом Крониорта в составе 400 человек. Мост был разведен; противоположный берег превращен в городок с отводными шанцами, защищаемый тремя пушками. Шведы, однако, обратились в бегство, бросив на месте весь обоз и припасы, как только драгунский полк Молина и остальная регулярная конница Апраксина начали переправу под прикрытием артиллерийского и ружейного огня. Перебравшись на противоположный берег, кавалерия бросилась в погоню и преследовала отступающего противника на протяжении 15 верст вплоть до реки Ижоры. Шведам были нанесены серьезные потери.

В тот же день войска Апраксина, предав огню и разорению Ижорскую и окрестные мызы, расположились лагерем в десяти верстах от Ижоры и в 30-ти от мызы Дудоровщины, где были сосредоточены главные силы Крониорта. Рано утром 13 августа Апраксин снова выступил к Ижоре. В том месте, где река образует несколько рукавов, он столкнулся со шведами. Большой конный отряд с несколькими пушками и самим Крониортом во главе. В завязавшемся бою шведы были вынуждены отступить за первый рукав, заняв позиции перед вторым рукавом. Но и здесь русская кавалерия, включающая драгунский полк Молина, настигла противника и после пятичасового боя заставила отступить за Ижору к мызе Дудоровщине, где располагались главные шведские силы.

Апраксин, став лагерем на месте выигранного сражения, написал Петру просьбу прислать подкрепление: «...у меня, Государь, против конных их войск конницы и с половиною нет; всего у меня драгун Александра полку Малины семьсот человек неполна, а достальные все пеши, лошади у них побраны во Псков, да Новгородцов и Московских чинов сотенные службы и з гусары с пятьсот человек, да Новгородского ж полку рейтар и копейщиков с тысячу человек с небольшим, и те такие, какие хуже быть нельзя: и пешие, и строю никакому не ученые...»

Силы Крониорта в Дудоровщине, которые составляли семь тысяч конницы и пехоты при 12-ти пушках, ожидали подкрепления из Нарвы и других мест. Узнав об этом и ссылаясь на «зело плохую и изнуженную конницу», отсутствие припасов и недостаток войск, Апраксин покинул позиции на Ижоре и отступил к рекам Назье и Лопе, где занял позиции в ожидании подкреплений⁴⁷. Кампания Федора Апраксина, несмотря на отступление, создала предпосылку для дальнейшего и уже полного захвата Ингрии, что позволит Петру наконец открыть, по счастливому выражению Франческо Альгаротти, то огромное окно на Севере, через которое Россия сможет смотреть в Европу.

22 сентября 1702 г. со своим корпусом приходит фельдмаршал Борис Петрович Шереметев. В тот же день появляется и сам царь. Петр произвел смотр отряда Апраксина и распорядился присоединить всю пехоту ладожского воеводы к корпусу Шереметева. Апраксину приказал остаться с конницей на месте – прикрывать Шереметеву тыл. 25 сентября Шереметев двинулся в сторону Нотебурга (будущего Шлиссельбурга), который 11 октября будет взят штурмом⁴⁸.

В декабре Молино со своим полком стоял под Ладогой. «...забегу в Ладогу, где стоят Малинин полк и новые драгунские полки, – пишет царю Борис Петрович Шереметев, – посмотреть и, что могу, управить»⁴⁹.

В 1704 г. Александра Молина переводят в Балтийский флот, как пишет сам венецианец, по просьбе Ивана Боциса⁵⁰. Снова в чине капитана, он включен вместе с шаутбейнахтом в реестре офицеров и моряков, отправленных в Олоонецкую верфь, где закладывалась часть судов Балтийского флота. Кроме них, определенного количества голландцев и моряков разных национальностей, перечислены известный нам Лука Дамиани и некто капитан Жвани Замария Лоретти⁵¹.

Все ясно. Жвани это Джованни. Варианты написания имени в источниках – Жю-Мария, Ян). Чаще всего Лорет(т)и упомянут просто как Замария. Это слияние двух имен, Джованни и Мария – Gianmaria, Giannmaria, венецианский вариант – Zanmaria. Как и многие другие, после поступления на русскую службу в 1703 г. этот Лорет(т)и сначала отправлен был в Воронеж. Он есть в «Общем морском списке», но неизвестно, где и когда принят на русскую службу⁵². Согласно списку офицеров и моряков 1704 г., Лорет(т)и зарабатывал 22 с половиной рубля в месяц с кормовыми деньгами, Молино, Дамиани и Лица – 30 рублей 27 алтын и четыре с половиной денег с кормовыми, а вот переводчик итальянского языка Мелентьев всего три рубля⁵³.

Примечательно, что Боцис, который в прошлом служил при отце Молина, когда тот был морским капитан-генералом Венецианской республики, теперь, в России, начальствует над сыном. Однако работой Молина, ко-

того сам захотел иметь при себе, Боцис не доволен. В письме от 22 июля 1704 г. генерал-адмиралу Федору Головину он докладывает, что «Молино имеет малое искусство морское и буде ведомо о сем благородию вашему; я ему дал одного матроса доброго да боцмана, который истинно и каторгу его оснастил один, потому что Молино не знал того сделать»⁵⁴.

На следующий день, после жалобы на него шаутбейнахта, Молино со своей галерой «Святой апостол Петр», которая была спущена 21 мая в Олонецкой верфи, вышел в море: «Отсель пошла галера; на ней капитан Александр Мулин»⁵⁵.

Вот список судов и капитанов 8 ноября с собственноручными отметками Петра:

«1. Галера Золотой Оред шаутбейнахтская. На ней капитан Лука Демьянович.

2. Святого Апостола Петра. К. Малина.

3. Александра Македонского. К. Ян Мария Лорети.

4. Феодора Стратилата. К. Лука Лиса.

1. Шкипер светого Иоакима. “Капитан Симсон” [Andrew Simpson].

2. Копорьи. “Клинкерт” [Cornelius Clinkert].

3. Ямбурк. Рос [loost Roos].

Корабль святого Михаила. “Капитан Фок” [Pieter Vock]⁵⁶».

В этом списке, кроме известных нам Дамиани, Молина и Лорети, появляется капитан «Лиса». Лука Александрович Лиц (Luca Lizza, так в собственноручной подписи⁵⁷) тоже был нанят «из армады венецкой». На русскую службу был принят в 1698 г., а в 1699 в керченском походе командовал галерой «Периная тягота». В 1701 г. был отправлен обратно в Венецию для найма «искусных в воинском деле и знающих славянский язык начальных людей»⁵⁸.

В 1705 г. Алессандро Молино участвует в обороне Кроншлота. Атака шведского флота под командованием адмирала Анкерштерны продолжалась с 4 по 10 июня. 6 июня «бросали они шведы в наш во флот 32 бомбы; одна бомба упала на галеру [Святой Апостол Петр], на которой капитан Александр Мулин»⁵⁹. 18 августа галеры под командованием Ивана Боциса вступили со шведским кораблем в бой, который длился три часа, «на том бою у Капитана Луки Демьянова, в галеру пришло 5 ядер; у него же ранено 15 человек, убито 3. У Капитана Мулина пробита галера в 3 местах»⁶⁰. После этих событий Молино провел зиму в Санкт-Петербурге. Из «Росписи женатым и не женатым офицерам и матросам, которым быть при С. Петербурге» от 19 сентября, известно что Молино был женатым⁶¹.

Неприятности у Александра Молина были не только с Боцисом. Вице-адмирал Крюйс в начале июня 1706 г. жалуется Петру на «непослушание и бездельность капитанов Молина и Лица, которых невозможно было никогда в порядке и строго содержать, и худое содержание и поступок капитана Петра Мария, просить, дабы его величество всемилоостивейше изволил на письме или изустно рассмотреть». 4 июня следует резолюция Петра на выписке из донесений Корнилия Ивановича Крюйса: «...сие вручаем господину адмиралу, ибо нам у сего за коротким временем быть невозможно, разве на письме принять»⁶². О Петре Марии ничего не известно, но Крюйс, видимо, был не в ладу с итальянскими именами, так что, возможно, мы здесь сталкиваемся с очередным искажением имени Джованни Мария Лорет(т)и.

18 августа того же года будущий адмирал Наум Акимович Сенявин, тогда простой боцманат, приводит в своем журнале список капитанов разных национальностей,

участвовавших в кампании 1706 г. Среди них пять итальянских имен: Лука Демьянов (Damiani), который, как мы знаем, был славянином, Мулин (Molino), Лука Лиц (Luca Lizza), и Геомарий (Gianmaria Loreti[t])⁶³. Отзывается итальянским звучанием в списке еще и имя-фамилия капитана Петро Секи, который в другой работе был превращен мной в итальянца. Вполне возможно, что обманулся⁶⁴.

Историк русского военно-морского флота Феодосий Федорович Веселаго, в предисловии к «Общему морскому списку», уточняет, что «о лицах, переменявших род службы, в “Списке” помещены только сведения о времени пребывания их в морском ведомстве и, в редких случаях, у более замечательных почему-либо лиц кратко упомянуто и об их не морской службе»⁶⁵.

Молино, видимо, не относится к «более замечательным лицам», так как о его службе в коннице в «списке» не упоминается. Тем не менее создается впечатление, что полковник кавалерии и капитан Балтийского флота Молино, в тех редких сочинениях, где упоминается эта фамилия, трактуется как два разных человека, хотя трудно представить, что на Великой Северной войне могли быть два Молино по имени Александр и с тем же отчеством. Мы ведь знаем, что и в прошлом, в Далмации, Молино служил в кавалерии в чине капитана. Сомнения рассеивает, впрочем, сам Молино.

В ноябре 1707 г. генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин в докладе царю пишет: «Капитан Мулин бьет челом, что служил он из капитанов полковником три года и жалованья полковничья имел, потом веноено быть по прошению шаутбейнахта по прежнему капитаном и жалованья дают капитанское; чтоб ему прибавить». Следует собственноручная резолюция Петра от 12 ноября на докладе: «Дать первой оклад»⁶⁶. Стало быть, полковники кавалерии зарабатывали больше капитанов морского флота, хотя чин капитана флота соответствовал чину полковника земляных войск⁶⁷. Следует, однако, учитывать, что жалованье капитанов галер было ниже жалованья капитанов кораблей. Согласно Общему морскому списку, 12 ноября, т.е. в день, когда Петр наложил свою резолюцию, Молино был произведен в капитаны первого ранга⁶⁸. Если верить Феодосию Веселаго, как правило, до 1728 г., капитаны галер, в отличие от капитанов кораблей, не разделялись на ранги. Возможно, что производство Молина в капитаны первого ранга и было способом увеличения ему зарплаты согласно указанию Петра, и он был повышен в чине задним числом⁶⁹. Но это лишь мое предположение.

Другими сведениями о венецианце Алессандро Молино младшем я не располагаю. Кроме того разве, что дальше он служил под началом Ивана Боциса, участвовал в осаде и взятии Выборга в 1710 г. и скончался 18 июня 1712 г.⁷⁰

Мне кажется, что без включения биографии Молина, составленной из отрывочных сведений, разбросанных там и сям, картина получилась бы неполноценной. Надеюсь, что вставки, отклонения и комментарии не слишком обременили рассказ и помогли составить хотя бы приблизительное представление о более широком контексте. Молино был только одним из относительного множества военных людей, перешедших на русскую службу в разные времена – и до Молина, начиная с конца XV столетия, и после него – со всех концов Апеннинского полуострова. Эти итальянцы найдут применение в последующих войнах России со шведами на Балтике, с Османской Портой в Северном Причерноморье, на Кавказе и других регионах, с Персией и с Наполеоном. Иные проявят себя с отличием и достигнут в русской армии до самых высоких чинов.

¹ Шарымов Александр. Стихи и комментарии. СПб., 2006. С. 112–113.

² Таких было сравнительно много разных профессий, включая текстильщика Марко Чиноли и ювелира Франческо Ашентини, переехавших в Москву в конце XVI века, врачей Леона Жидовина, Антонио Севасто, Джузеппе Райнери (см. Корти М. «Другие» итальянцы. Врачи на службе России. СПб., 2010), переводчика и составителя словарей Иностранной коллегии Джорджо Дандоло, строителей галер, моряков и солдатом земляных войск, не говоря уже о венецианцах, переехавших после падения республики, а также многочисленных греков и славян, (бывших) подданных Светлейшей.

³ Это мой, сугубо личный, перевод итальянского термина «oltremarini», обозначающего подданных Венецианской республики, уроженцев противоположного берега Адриатики, а также островов Средиземного моря – славян, албанцев, греков.

⁴ Елагин Сергей Иванович. Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702–1725. Т. III. СПб., 1866. С. 1–2. Относительно родственников и собственности Боциса, то Петр Первый в грамоте дожу Альвизе Мочениго от 20 апреля 1707 г., писал: «Понеже пребывающий в службе нашей в морском флоте шоутбейнахт от галер господин контий Боцис всеподданнейше нас просил

к вашей светлости и всей светлейшей речи посполитой Венецыйской о заступлении нашем о фамилии своей и сродников, ныне обретающихся во владениях ваших, дабы оных изволили вы их иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство, чего ради вашу светлость и светлейшую речь посполитую дружески просим...»

Просьба Боциса к дожу касалась нескольких земель, домов, лавок, «которые изъявлены в жалованных грамотах, которые уклоняю к любезному смотрению превосходительства вашего через моего брата, который обретается в тамошнем вашем государственном граде...» (Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 5 (Январь-июнь). СПб., 1907. С. 176–177, 587–589).

Боцис иногда назван «Бочес» и даже, например английским офицером Балтфлота Джоном Деном, «итальянец Де Бусс» – «Count De Buss, an Italian» (*Deane John*) History of the Russian Fleet during the Reign of Peter the Great by a Contemporary Englishman [1724] [Edited by Vice-Admiral Cyprian A.G. Bridge]. Лондон, 1899. С. 19).

⁵ Ср. Giovanni Bozzis, console in Nauplia nel 1700 – Джованни Боццис, консул в Нафплионе в 1700 г. (*Pedani Maria Pia*. Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna / Mediterraneo in armi [secc. XV–XVII]. Ред. Cancila R. // Quaderni-Mediterranea, 4/1. Палермо, 2001. С. 197, сн. 78).

⁶ См. сн. 83 П.А. Кротова в русском переводе упом. кн. Джона Дена (*Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 148).

⁷ *Елагин*. Указ. соч. С. 3.

⁸ «2 июля. Сегодня семьдесят человек повешены на виселицах по пять и по три... 4 июля. Утром обезглавлены четыре стрельца, осужденные в субботу... 6 июля. Сегодня, после молитвы, я и многие другие архиепископом Анкирским по имени Petrus Paulus de St. Joseph, кармелитского ордена, помазаны миром...» (*Петросян А.А.* Шотландский наставник Петра // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 166).

⁹ Английский капитан Джон Ден докладывает также о сожжении Боцисом голландских кораблей после завоевания Або 8 сентября 1713 г.: «Soon after 5 large Holland flyboats, arriving at Helsingfors to load timber, were all burned, and the men either killed or wounded in a barbarous manner by count De Buss, Rear Admiral of the Russian Galleys, merely through ignorance and indistinction of the neutral flags and passes» (*Deane*. Указ. соч. С. 22) – «Немного спустя сожжены были 5 больших голландских флейтов, прибывших в Гельсингфорс за лесом, а люди с них были варварски перебиты либо переранены Боцисом, шатубенахтом российских галер, единственно по незнанию и неумению его различать нейтральные флаги и водные пути» (*Ден*. Указ. соч. С. 34. Но см. также сноску 102 П.А. Кротова на с. 164).

¹⁰ *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Т. I. СПб., 1864. С. 307.

¹¹ *Веселаго Ф.* Общий морской список. Часть I. От основания флота до кончины Петра Великого // Общий морской список от основания флота до 1917 г. Т. I. СПб., 2013. С. 254–256.

¹² *Дулич Л.М.* На службе России: Начало комплектования русского флота // Морской сборник. 2006. № 1. С. 73.

¹³ «...li Moscoviti hanno di gia preso Asach sichi li Turchi hanno con grandissima paura delli stessi che si vadino incamminando a Costantinopoli...» (*Шмурло Е.* Сборник документов, относящихся к истории царствования Императора Петра Великого. Т. I. 1693–1700. Юрьев, 1903. С. 85).

¹⁴ «...s'ha avviso sicuro che il Moscovita va calando con poderoso esercito e gli Greci che sono dell'istesso rito si rallegrano, si consolano e sperano di veder il zaro di Moscovia atronato imperiale in Costantinopoli. Asach si stima da tutti perso quest'anno...» (Там же. С. 93).

¹⁵ О присутствии иностранных офицеров в армии и флоте Петра Великого см., напр., *Черников С.В.* Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века. К вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских реформ // *Sahiers du Monde russe*. 50/4. Octobre-décembre 2009. С. 699–736; *Дулич Л.М.* У истоков создания Российского военно-морского флота // *Морской вестник*. № 3 (19). 2006. С. 119–123. Он же. Иностранные специалисты в становлении и развитии российского военно-морского флота (1696–1796). СПб., 2010.

¹⁶ *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: рубеж эпох или начало пути, 1697–1698. СПб., 2008.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Аналогичная картина наблюдалась и в немецкой слободе в Москве (ср. [von Hüysen Heinrich] Ausföhrliche Beantwortung des freventlichen und Iygenhaften Pasquils, welches unter dem Titul: Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutschen Officiers an eines gewissen hohen Potentatens Geheimen Rath von den jetzigen Conjunktoren in Moscow, etc., vor einiger Zeit ans Licht gekommen; darinnen von dem Tractament so wohl der Fremden insgemein, als insonderheit der gefangenen Schweden in Moscow, wie auch von dem Moscovitischen Hof- und Kriegs-Staat warhafft Nachricht gegeben, und alles mit curiosen Anmerckungen aus der Historie, Politique und Re litteraria erläutert wird. 1706. С. 27–28). См. также сн. 45.

¹⁹ О создании Азовского флота см. также, напр., *Phillips Edward J.* The Founding of Russia's Navy: Peter the Great and the Azov Fleet, 1688–1714. Westport, CT. 1995.

²⁰ *Ден*. Указ. соч. С. 127–128.

Ср. с англ. оригиналом: «In the Russian Navy are found some foreigners of worth... but, if a precise calculation, and only men of experience and skill in the languages [be] included, their number is diminutively small; and these are still the less formidable through party divisions and prejudices, as consisting of nations different in their taste, views, interests and manner of living» (*Deane*. Указ. соч. С. 113–114).

Только много позже было установлено авторство Джона Дена (*Smith D.B.* The Authorship of «The Russian fleet under Peter the Great» // *Mariner's Mirror*. 1934. Т. 20. С. 373–376). Еще до поступления на русскую службу в 1712 году, в 1710 Ден стал протагонистом эпизода с людоедством после крушения своего корабля у берегов Новой Англии. О нем см. *Warner Richard H.* Captain John Deane: Mercenary, Diplomat, and Spy // *The Northern Mariner/le marin du Nord*. XVIII. №. 3–4 (Июль-октябрь 2008 г.) С. 13–19; О Дене см. также предисловие Кротова к русскому переводу сочинения английского офицера (Флот Петра I: Взгляд «изнутри» морского офицера-англичанина (*Ден*. Указ. соч. С. 3–16).

²¹ *Ден*. Указ. соч. С. 111:

«It may not seem eccentric to this design to say something of the vessels so frequently mentioned under the denomination of galleys. Their builders were generally Italian, as also their sea officers, intermingled with Greeks... Of the Nations above mentioned the Tsar has one vice-admiral, two captain-commodores, about twenty captains, and about as many lieutenants, with forty under-officers such as boatswains and boatswains' mates. The officers of the men-of-war seldom care to converse much with these people; partly on account of their different languages and manner of living; but more out of abhorrence of the great barbarities they have sometimes practised upon an enemy, when in their power; nor are the latter allowed to rank with them upon a foot of equality» (*Deane*. Указ. соч. С. 94).

В комментариях к русскому переводу Кротов уточняет: «Действительно в списке личного состава галерного флота 1723 г. указаны 2 капитан-командора: Л.М. Демьянов (Дамиани) и Я.А. Дажимон, но помечено, что последний 23 мая того года скончался»; «По списку личного состава 1723 г. в галерном флоте числилось 8 капитанов: 6 второго ранга, один 3 ранга и один капитан-поручик). Все они были иностранцами. Из семи поручиков и 21 подпоручика галерного флота иностранцев было соответственно 6 и 3 чел. Иностранцами были не только итальянцами и греками, но и из южных славян. В Галерном батальоне все офицеры (капитан, 3 лейтенанта и 3 унтер-лейтенанта) были русскими»; «В галерном флоте боцманы и боцманаты именовались комитами и подкомитами. Первых по списку 1723 г. было 36 (из них иностранцев 19 чел.), вторых 51 чел. (из них 11 иностранцев)» (*Ден Д.* Указ. соч. С. 185, сн. 365, 367).

²² *Deane*. Указ. соч. С. 94–95; *Ден Д.* Указ. соч. С. 111.

²³ «...It is evident from the tone of the remarks in the text that the officers of the navy proper looked down upon... those of the galley fleet, who were considered members of a distinct and inferior service. It has been seen that the Russian victory of Hangö Head was not won by the Russian navy, but by the galleys» (*Deane*. Указ. соч. С. 94).

²⁴ *Скрицкий Н.В.* Флагманы Петра Великого. М., 2004. С. 251. Также в энциклопедическом словаре Брокгауз и Ефрон.

²⁵ *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов / Лаптева Т.А., Соловьева Т.Б., сост. М., 2006. С. 305–306.

²⁶ Там же. С. 283, 289.

²⁷ *Rossetti Marco*. La Sacra Lega. Падуя, 1696. С. 231. Моя попытка перевода:

Коль храбрость венецкая сражается за веру,

То Небу с Марсом предстоит бороться;

Как только избран он был Небом,
Алессандро Молин во Фракию вторгся...

²⁸ *Лефорт*. Указ. соч. С. 234. *Елагин*. История... Т. I. СПб., 1864. С. 307.

²⁹ *Лефорт*. Указ. соч. С. 235–236.

³⁰ В письме от 7 марта 1712 генерал-адмиралу Апраксину вице-адмирал Корнелис Крийс сообщал, что «февраля 22 дня через военный суд присужден поручик Вентура разстрелять, понеже служить не похотел и когда командован был, просил себе пас». До этого, 29 августа 1711 под решением совета офицеров, собранного в Выборге, Вентура писал: «по моему разсуждению их [флот неприятельский] атаковать, для того, что не стоят все вместе, и будут далеко от острова версты с две, и один от другого далеко как пушечная стрельба... Однако ж я буду готов где приказано мне будет от моих вышних без единого манкаmenta для службы Е.Ц.В. Антоний Вентура... Тоже за подписью поручика Жоржа Дасколи (Giorgio D'Ascoli). 10 сентября, группа офицеров отказалась в письменном виде от проведения операции, «а ежели посланы будем на таких судах, то лучше желаем принять абшид». Письмо подписали капитаны Андрей Деопер (Депиор, Депиоро, Де Пиоро, Бьянки) и Андрей Миошчик, поручики Суане (Зуане) Бональдо (Zuane Bonaldo) и Симон Лицца, подпоручик Юрий Яковлев, шкиперы Матис Бонстей (?) и Анс Вакар (?), боцманы Лоренц Бальди (Lorenzo Baldi), Иван Букари (Giovanni Bucari – ?) и Александр Степанов. (*Елагин*. Материалы... Т. I. СПб., 1865. С. 251–252, 254, 277; см. также *Дулич*. У истоков... С. 122). Грек Андрей Диопер, видимо, отделался легко, он смог продолжить свою службу во флоте, а в 1730 г. жил в Санкт-Петербурге в том же капитанском чине. Его дочь Евдокия вышла замуж за пушкинского прадеда (*Опатович С.Е.* Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абраама Петровича Ганнибала. 1731–1753 // *Русская старина*. 1877. Т. 18. № 1. С. 70). В 1714 Зуане Бональдо, который вместе с Миошчиком обосновал свой отказ тем, что никогда ранее на брандерах не служил и их управлять не умеет, стал позже лейтенантом. Симоне Лицца повышался в чине не один раз (ОМС. С. 187, 334–335, 363). По-видимому, Вентура стал козлом отпущения и его расстреляли с той только целью, чтоб показать пример.

³¹ *Дулич*. На службе России... С. 73.

³² *Елагин*. История... Т. I. СПб., 1864. С. 78; Т. 2. Приложения. Ч. I. С. 459–460. Интересны предписания «превосходнейших инженеров» арсенала Якову Моро (Giacomo di Pietro Moro), начальнику плотников, отправленных сенатом в Московию»: *Шмурло Е.* Указ. соч. С. 144.

³³ ПиБ, Т. I. 1688–1701. СПб., 1887. С. 735–737. О кораблестроении в Воронеже см. также, напр., *Расторгуев В.И.* Воронеж – родина Русского военно-морского флота. Воронеж, 2002.

³⁴ *Елагин*. История... Т. I. СПб., 1864. С. 144–146.

³⁵ Там же. Т. 2. Приложения. Ч. II. С. 314.

Симонт, он же Матвей Меланкович (?); ср.: «Первым учебным заведением Азова можно считать учрежденную по инициативе Петра I в 1698 г. первую в России навигацкую школу. Первыми учителями морского дела в ней стали Матвей Меланкович и Иван Кучица. Первый набор из 10 московских «детей иноземцев» состоялся 21 января 1698 г.; 1 февраля было принято еще восемь учеников, а 1 апреля в Азовскую навигацкую школу впервые принимаются 10 российских учеников. Среди них: Дмитрий Дивин, Богдан Оладин, Федор Козлов, Иван Огарев, Василий Прошкин и другие» (*Дик Н.* Азовское просвещение. Как все начиналось? // *Азов*. 2010. № 3 (окт.). С. 14); ср. также: «По указу в Разряд было велено брать в ученье морскому делу «школьных учеников, которые навичны итальянскому языку», при этом говорилось об учениках «школ итальянского языка у учителей греков Иоаникия и Сафрония Лихудьевых», а также об учениках школы «еллино-греческого учения», представлявшей собой отделение греко-латинской академии» (*Грaбaрь В.К.* Вскормленные с копыя. СПб., 2009. С. 55–56).

³⁶ *Княжецкая Е.А.* Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // *Советское славяноведение*. № 5. 1973. С. 48.

³⁷ «Статейный список дворянина Григория Островского, посланного из Гаги в Шклявонскую землю» (*Шмурло*. Указ. соч. С. 330, 682); *Княжецкая Е.А.* Указ. соч. С. 54).

³⁸ «[Lo czar] ha mandato... molti primarij nobili suoi sudditi, e vassalli... e già applicano sotto il P. Colonnelli alla cosmografia, e sotto diversi piloti alla navigazione senza risparmio di spesa» «[русские дворяне, отправленные царем] уже изучают космографию у о. Колонелли и навигацию у других лоцманов, не жалея расходов» (Письмо апостолического нунция в Венеции монсиньора Кузано госсекретарю кардиналу Спаде // *Шмурло*. Указ. соч. С. 278–280; Ср. также *Armao Ermanno*. Vincenzo Coronelli. Cenni sull'uomo e la sua vita. Флоренция, 1944. С. 171

³⁹ *Navi, ed altre sorti di Barche, usate da Nazioni differenti ne' Mari e ne' Fiumi, Con i Disegni e Paviglioni da esse inalborati, e con le loro Bussole Nautiche, Delineate già dal P. Coronelli. Per l'Istruzione della Nazione Moscovitica, E pubblicate dall'Accademia Cosmografica degli Argonauti. Dedicata all'Illustrissimo ed Eccellentissimo Signore Michele Morosini, Patrizio Veneto, Savio di Terra ferma, 1697.* Один экземпляр хранится Национальной Марцианской библиотеке в Венеции, другой – в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге; ср. также: *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 331.

⁴⁰ ОМС. С. 441.

⁴¹ ПиБ. Т. 9. Вып. I. М.; Л., 1950. С. 193.

⁴² На некоторых надписях на обороте: «ЗА ДЕЛО ГАВАНИ КАПИТАНУ МАТВЕЮ СИМОНТОВУ», на других слегка сокр. – «ЗА ДЕЛО ГАВАНИ КАПИТАН. МАТВЕЮ. СИМОНТОВ.», внизу год 1709.

⁴³ *Вольнский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. 4. Приложения (XLIII–XCI). СПб., 1912. С. 129.

⁴⁴ *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 87.

⁴⁵ «...pardonnierten dennoch Ih. Czar. Maj... so wohl als den Obristen Guerin... welcher in hoher Gegenwart Sr. Czar. Maj. den Degen gezogen, den Obristen Molino ziemlich verwundet, und andere Insolentien verÿbet. Diese Exempel aber thaten Ih. Czar. Maj. die Augen so weit auf, das Sie wohl vermeckten, wie so viel fremde Officirer von verschiedenen Nationen, die Sie in Ihren Diensten hdtten, alle Tage mehr vergleichen Hdndel kÿnten anfangen. Sie liessen derowegen ein scharffes Duell-Edict nach dem Kÿniglichen Preussischen, so Anno 1688, schon heraus kommen war, publizieren, auch in der Slaboda, da sich die fremden Officirer meistentheils aufhalten, einen Block und Galgen aufrichten, damit hinkÿnftig vergleichen Hdndel, Balgen, Mord und Thÿtlichkeiten unter denen Fremden verÿbet wÿrden, welche aus Jalousie wegen Unterschied der Religion, Interesse, Vaterland, u. leichte noch mehr an einander geraten dÿrften» (*Hÿyssen*. Ук. соч. С. 27–28). Ср. также *Бергман Вениамин* (пер. Аладин Егор). История Петра Великого. Т. 6. СПб., 1834. С. 51: «Полковник Герин в то же самое время, поссорившись с Полковником Молино, обнажил при Царе, шпагу и ранил своего противника. В следствие чего запрещение поединков было подтверждено с большею строгостью; но... Герин получил... прощение». Эпизод, который отсутствует в немецком оригинале, добавлен переводчиком Аладиным на основании рассказа барона Гизена, опубли. анонимно.

⁴⁶ Об этой кампании см., напр: *Панов В.А.* Поход в Ингрию В.М. Апраксина. 1702 год // *Чтения по военной истории*. СПб., 2007. С. 126–137.

⁴⁷ *Вольнский Н.П.* Указ. соч. Вып. I. 1698–1706 гг. Кн. I: Вступление (1698–1700 гг.) Ингерманландская операция (1702–1704 гг.). СПб., 1812. С. 128–134.

⁴⁸ Там же. С. 137.

⁴⁹ ПиБ. Т. 2. 1702–1703. СПб., 1889. С. 450–451.

⁵⁰ ПиБ. Т. 6 (июль–декабрь 1707). С. 154.

⁵¹ *Елагин*. Материалы... Т. III. СПб., 1866. С. 3.

⁵² ОМС. С. 340.

⁵³ *Елагин*. История... Т. II. Приложения. Ч. II. СПб., 1864. С. 292–301. Ср.: месячное жалование во флоте генерал адмирала – 583 руб., вице-адмирала – 186, капитан-командора – 50, капитан 1-го ранга – 40, капитан 2-го ранга – 30, капитан 3-го ранга 25, капитан-лейтенант (капитан-поручик) – 20, лейтенант (поручик) – 15, кнтер-лейтенант (подпоручик) – 10, штурман – 10, констапель – 7, мичман – 5. В отличие от русских, иностранные офицеры получали еще и тринадцатую зарплату. (*Грибовский В.Ю.* Предисловие к новому изданию «Общего морского списка». ОМС. С. 41).

- ⁵⁴ Елагин. История... Т. I. С. 307–308. Елагин комментирует: Впрочем, эти условия не помешали капитану Молино выдать себя перед Протасьевым в 1698 г. за человека, сведущего по части кораблестроения.
- ⁵⁵ Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 2–3.
- ⁵⁶ ПИБ, Т.3 (1704–1705). СПб., 1893. С. 190, 708–709.
- ⁵⁷ Елагин. История... Т. I. СПб., 1864. Приложение, Лист 15.
- ⁵⁸ Там же. Т. II. Приложения. Ч. II. СПб., 1864. С. 290. О нем см. также ОМС. С. 334.
- ⁵⁹ Походный журнал 1705 года (Юрнaлы 1705 года). СПб., 1854. С. 23.
- ⁶⁰ Сенявин Н.А. Морские журналы Наума Акимовича Сенявина. 1705–1712 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 10. СПб., 1852. С. 329–330.
- ⁶¹ Елагин. Материалы... Т. III. СПб., 1866. С. 7–8.
- ⁶² ПИБ, Т.4 (1706). СПб., 1900. С. 271–272; см также: Невежин А. Русский флот на Балтийском море (Обзор действий администрации и флота за четыре года, 1706–1709) // Морской сборник. Т. CVII. № 3 март 1870. Неофициальный отдел. С. 101.
- ⁶³ Сенявин. Указ. соч. С. 334.
- ⁶⁴ Наталья Телетова идентифицирует его с одним из трех «арапов», привезенных из Голландии в 1698 году (Телетова Н.К. Забытые родственные связи А. Пушкина. Л., 1981. С. 132–134.; Она же. Жизнь Ганнибала, прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 156–158). Однако транскрипция печатными буквами («Seichi») ручного курсива (в ОМС. С. 436), которую приводит Телетова, не очень убедительна, так как данная транскрипция не передает русское звучание «Секи», «Секки» и тем более «Цекки» (см., напр., ПИМ, Т. 9. Вып. 2. С. 1089). Возможно, в ручном курсиве вместе первой «i» был «с» – «SeCchi», а не «Selchi». Только так можно объяснить дикцию «Секи», «Секки» (а не «СеИХи» или «СеИЧи»), которая встречается в упоминаниях этой фамилии. Кроме того, Телетовой, и не только ей, фамилия «Секи» воспринимается как прозвище, кличку («Сека»), тогда как отчество «Елаев» («Елаев сын») – как фамилию. Они и называют Петро Секи «Питером Елаевым». Но см., напр., в «Росписи морского флота галерной эскадры офицерам и матросам» от 1714 г.: «Лука Михайлов сын Демьянов», «Андрей Петров сын Бианки», «Ян Андреев сын Дежимон», «Стамати Михайлов сын Камеру», «Андрей Филонов сын Миющик» «Юрья Николаев сын Патиноти» и, наконец, «Петро Елаев сын Секи» (Елагин. Материалы... Т. III. СПб., 1866. С. 71). Значит, не «Питер Елаев», а именно «Петро Секи, Секки или Цекки», как почти везде в релевантной литературе. Для меня вопрос остается открытым.
- ⁶⁵ ОМС. С. 114.
- ⁶⁶ ПИБ, Т. 6 (июль-декабрь 1707). С. 154.
- ⁶⁷ Это частично противоречит утверждению Джона Дена: «Оклады содержания, получаемые иностранными офицерами на сухопутной службе, исключая оклады служащих в артиллерии, значительно ниже, чем те, которые имеют морские офицеры» (Ден Д. Указ. соч. С. 117). «The pay of the foreign officers in the land service is much inferior to those at sea; except in the artillery branch» (Deane. Указ. соч. С. 101).
- ⁶⁸ ОМС. С. 364.
- ⁶⁹ ОМС. С. 123.
- ⁷⁰ ОМС. С. 364.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ МАНДЗЮК-ИЛЬНИЦКИЙ

аспирант кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)
Тел.: 8 (915) 266-48-86; E-mail: vladymyros@mail.ru

Автор исследует жизненный путь, церковную и общественную деятельность публициста и священника Ивана Королькова. Также рассматривает его журналистскую деятельность в академическом журнале «Труды Киевской духовной академии».

Ключевые слова: православная журналистика, история академии, история журналистики, Иван Корольков, «Труды Киевской духовной академии».

СВЯЩЕННИК ИВАН КОРОЛЬКОВ (1845–1912 гг.): ЖУРНАЛИСТ, ДЕЛОПРОИЗВОДИТЕЛЬ И КОРРЕКТОР АКАДЕМИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ»

XIX в. – самое плодотворное время в развитии церковной журналистики. В этот исторический период возникли такие богословские издания: в 1821 г. Санкт-Петербургская духовная академия стала издавать научно-богословский журнал «Христианское чтение»; с 1843 г. Московская духовная академия издает «Прибавления к изданию Творений святых отцов в русском переводе», а с 1892 г. они были заменены на журнал «Богословский вестник»; «Православный собеседник» начал издаваться Казанской духовной академией с 1855 г. Последним новым изданием академической плеяды в 1860 г. стал журнал «Труды Киевской духовной академии».

Богословские академические журналы играли большую роль в деле просвещения не только воспитанников духовных школ, но и верующих.

Говоря об этих журналах, их особенностях, типологии, мы в большей степени акцентируем свое внимание на их содержании, условиях финансирования и распространения и т.д. А между тем значительный интерес также представляют биографии священников, которые выступали в роли журналистов, редакторов, корректоров и организаторов издательского процесса. Что это были за люди, насколько образованны, каков их жизненный путь и что привело их в православную журналистику?

Рассмотрим труды и служение известного ученого, исследователя, преподавателя, профессора по кафедре

греческого языка и его словесности Киевской духовной академии, священника, автора, делопроизводителя и корректора журнала «Труды Киевской духовной академии» – протоиерея Ивана Николаевича Королькова.

Его биография во многом традиционна для людей духовного или академического сословия: знание богословских и светских дисциплин, владение несколькими языками, педагогическая практика, административные функции и для большинства представителей – служение в священническом сане.

Иван Николаевич родился с. Столбчье Орловской губернии в семье священника Николая Ивановича Королькова. О его отце, тоже священнике, есть такие архивные данные: «Служит Николай Иванович в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, кроме него в этой церкви служат дьякон и четыре причетника. Земли при церкви усадебной – три десятины, сельскохозяйственной – 70. Служители этой землей владеют»¹.

Семья Корольковых была многодетная. В ней воспитывалось девятеро детей, но дочь Наталья умерла, не прожив и года. У Ивана был родной брат Дмитрий Николаевич Корольков (1858–1942) профессор, действительный статский советник. К 150-летию со дня его рождения был опубликован биографический очерк².

Начальное образование Иван получил в гимназии г. Орла. С 21 июля 1869 г. – преподаватель Саратовской